

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

Стр.	Стр.		
✓ <i>Засіданіе первое (22-го декабря 1867 года).....</i>	1—3	✓ <i>Крест. С. А. Дударева, сельские обычай въ иѣ- которихъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Чернигов- ской губерніи.....</i>	71—76
✓ <i>Ст. Верковича, описание быта Болгаръ населя- ющихъ Македонію.....</i>	3—18		
✓ <i>Н. Г. Керцели, о появленіи ламанизма въ Забай- кальи и о вліяніи его на бытовую жизнь Бурята- кочевника.....</i>	18—21		
✓ <i>Засіданіе второе (20 апреля 1868 года).....</i>	21—26		
✓ <i>Объ этнографическихъ трудахъ московского митро- полита Иннокентія.....</i>	26—29		
✓ <i>Лос. Калоусека, обзоръ этнографической лите- ратуры о Чехахъ и Словакахъ.....</i>	30—40		
✓ <i>Засіданіе третье (12 октября 1868 года).....</i>	40—41		
✓ <i>Свящ. А. Примѣрова, одежда камменно-брод- скихъ Русскихъ и Мордвиновъ Пензенской губерніи.</i>	42—44		
✓ <i>А. Анториковъ, Домашній бытъ маріуполь- скихъ Грековъ.....</i>	44—57		
✓ <i>Дополненіе къ обзору этнографической литературы о Чехахъ и Словакахъ.....</i>	47—48		
✓ <i>Засіданіе четвертое (27 марта 1869 года).....</i>	48—55		
✓ <i>Засіданіе пятое (9 октября 1869 года).....</i>	55—62		
✓ <i>Засіданіе шестое (12 октября 1870 года).....</i>	63		
✓ <i>К. А. Попова, замѣтки о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ въ Вологодской губерніи.....</i>	64—68		
✓ <i>Засіданіе седьмое (4 октября 1871 года).....</i>	68		
✓ <i>Н. Г. Керцели, нѣсколько словъ о мезенскихъ Самоѣдахъ.....</i>	69—71		
		✓ <i>Крест. С. А. Дударева, сельские обычай въ иѣ- которыхъ мѣстностяхъ Суражскаго уѣзда Чернигов- ской губерніи.....</i>	71—76
		✓ <i>Засіданіе девятое (1 ноября 1873 года).....</i>	76—77
		✓ <i>Е. В. Барсова, обзоръ этнографическихъ дан- иныхъ, помещенныхъ въ разныхъ Губернскихъ Вѣдо- мостяхъ за 1873 годъ.....</i>	77—83
		✓ <i>Н. Г. Керцели, объ историческомъ значеніи праздника въ честь бурхана Майдори, совершаемаго Бурятами.....</i>	84—87
		✓ <i>Е. В. Барсова, сѣверная сказания о лембояхъ и удѣльницахъ.....</i>	87—9
		✓ <i>Засіданіе десятое (29 января 1874 года).....</i>	91—93
		✓ <i>Е. В. Барсова, замѣтка изъ этнографіи сѣвери- го края.....</i>	93—95
		✓ <i>Засіданіе одиннадцатое (19 марта 1874 года)....</i>	95—100
		✓ <i>Е. П. Добрининой, обычай хороненія Ко- стромы въ Муромскомъ уѣздѣ.....</i>	100—104
		✓ <i>Н. А. Покровскаго, изъ исторіи народнаго двоевѣрія.....</i>	105—108
		✓ <i>Засіданіе двѣнадцатое (23 апреля 1874 года)....</i>	108—110
		✓ <i>Е. В. Барсова, Юрьевъ день.....</i>	110—114
		✓ <i>Квашнина-Самарина, о кладенскатахъ и кладахъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ.....</i>	114—118

шительныхъ какъ громъ большихъ и малыхъ літавръ, сиплыхъ звукомъ огромныхъ мѣдныхъ трубъ (бура), пискливыхъ гоплиновъ и раздирающихъ душу своими ударами мѣдныхъ тарелокъ или ценоюъ одау объ другую, звона колокольчиковъ и бубенчиковъ. Наконецъ вся эта торжественная процессія останавливалась передъ бункономъ (часовнею) въ стени на сѣверной сторонѣ кумирни. Ламы сѣли полукругомъ по разостланныхъ на снѣгу войлокахъ, а музыканты поѣхались за ними во второмъ ряду и начался гурулъ (молебенъ). Главная часть его состояла изъ освященія воды

(аршіана) черезъ отраженный ликъ бурхана-Майдори, въ металлическомъ зеркаль, которое держали Унзыты передъ нимъ. Освященную воду сливали въ бомбо (сосуды) и разносили присутствующимъ ламамъ. Это переливаніе воды въ бомбо служило преобразованіемъ явленія Майдори въ мірѣ, какъ будущаго властителя. Потомъ началось угощеніе чаемъ, затѣмъ опять пѣніе молитвъ и музыка. Послѣ того колесницу перевезли къ восточному бурхану, где началось повтореніе той же церемоніи, и когда полная луна выкатилась изъ за горъ, торжество окончилось.

III. СЪВЕРНЫЯ СКАЗАНІЯ О ЛЕМБОЯХЪ И УДЪЛЬНИЦАХЪ.

Находясь въ непрерывной и неустанной борьбѣ со стихіями супровой природы, не вѣдая силъ и законовъ явлений, страдный сѣверный крестьянинъ живеть подъ воздействиемъ страхований другодольныхъ. Едва ли гдѣ до нынѣ эпическое міросозерцаніе имѣеть такое широкое, всѣластное жизненное значеніе, какъ въ предѣлахъ этого края. Въ силахъ и явленіяхъ природы жители его до нынѣ видѣть и ощущаютъ дѣйствія живыхъ существъ другаго міра. Туманъ демонологіи облегаетъ жизнь народа и отравляетъ его покойныя минуты. Надъ страдой крестьянства высится еще болѣе тяжкая страда нравственная. Всюду преслѣдуется его нечистая сила: въ горахъ, лѣсахъ, махахъ и болотахъ, она гонится за нимъ въ полѣ, озераѣ и морѣ; она встрѣчаетъ ее въ подовинѣ, на дворѣ и у себя дома; она сидитъ наконецъ за его столомъ и ждѣть, когда онъ сядетъ и немытыми руками возметъ кусокъ или ложку и будетъ есть безъ благословенія. Поднимется ли и завоетъ вихорь, — то воеть и бушуетъ она, нечистая сила; высыхаетъ-ли рѣчка, взволнуетъ-ли озеро, треснутъ-ли ущелья каменисты, это она пируетъ или борется — нечистая сила. Вотъ одержать человѣка разные боли и недуги, — это примились или сдѣллось, это она нечистая сила или хватаетъ, или студитъ, или разжигаетъ тѣло человѣка.

Такое жизненное и всевластное значеніе этой другодольной силы показываетъ, что изученіе народныхъ демоносказаній представляетъ не одинъ только научный интересъ, но имѣеть и практическую важность для народнаго образованія.

Сѣверныя народныя сказанія о происхожденіи демонической силы гностико-манихейского происхожденія. Они проникли къ намъ съ богомильскою поѣздію — о знатіи неба и земли и тѣмъ легче усвоены народомъ, чѣмъ больше отвѣчали его дуалистическому міровоззрѣнію. Если въ рукописяхъ передаются

они съ риторскими распространеніями и узорами, то въ живыхъ народныхъ пересказахъ они обнаруживаютъ эпический характеръ.

Было время, когда не было ни земли, ни неба, а была одна вода. И спустился Саваофъ на землю и спросилъ: *кто здѣшъ е?* И откликнулся сатана и рекъ: *я здѣшъ е.* И спросилъ Саваофъ сатану: *Есть ли гдѣ земля, не видаль ли?*

Есть на днѣ моря отвѣчаль сатана. Сходи же на дно моря и достань земли.

Обернулся сатана гоголемъ, нырнулъ на дно морское и въ ротъ земли нанихалъ. Но поколь оттолъ вѣздылся, водой размыло землю и онъ вынырнулъ ни съ чѣмъ.

Саваофъ послалъ его другожды. Но и на другой разъ тоже случилось. Стыдно стало сатанѣ, а Саваофъ его укоряеть и говорить: *немощенъ братъ ти.* — Иди въ третій разъ, да вотъ на днѣ морскомъ увидишь икону-дѣву съ младенцемъ, на камени стоящу; благословись у младенца и тогда возмн земли.

Нырнулъ сатана въ третій разъ: сдѣлалъ такъ, какъ велѣлъ ему Саваофъ и принесъ земли. Взялъ Саваофъ эту землю и разсыпалъ въ восточную сторону и стала чудная, прекрасная земля. И спросилъ Саваофъ сатану: *еся ли тутъ земля?* Всѧ, сказаль сатана, а самъ держить частицу за щекой. А земля за щекой стала рости-прибывать, а щеку стало раздувать. Видѣть сатана, что не обмануть ему Саваофу: взялъ да разсыпалъ ту землю въ сѣверную сторону и стала тутъ земля *холодная, каменистая и нехлыбородная.*

И вадумалъ Саваофъ создать себѣ полки воиновъ, даъ сатанѣ молотъ въ руки и велѣлъ бить въ каменную гору правой рукой, а самъ пошелъ на востокъ рай насаждать. Боговъ товарищъ началъ молотомъ въ камень бить, изъ каменя воины свѣтлы начали высакивать, да на востокъ Богу кланяться, биль до

того, что рука устала, попробовала бить львой рукой. Лишь только ударила, выскоцила червь чертъ да и поклонился молотобойцу. Смыкнула сатана въ честь дѣло, да и давай львой рукой колотить; до того билъ, что чуть со свѣтлыми полками не сравнился. Той порой Саваофъ дѣло свое сдѣлалъ и пришелъ къ сатанѣ. Пришелъ и видеть дѣло плохо; что дѣлать? взялъ скорѣй зааминилъ. Перестали высакивать силы нечистыя, а сталъ высакивать только огонь, какъ и теперь бываетъ при ударѣ желѣзомъ въ камень. Возгорчился Саваофъ и задумалъ раздѣлиться съ товарищемъ; но тотъ не то и говоритъ; сталъ хвастаться силы богачествомъ. Пошло на раздоръ; Саваофъ построилъ небо, а сатана другое-выше того, Саваофъ построилъ еще небо, а сатана выше забирается. Зааминилъ скорѣй Саваофъ и велъ Михаилу Архангелу столкнуть сатану на землю со всѣми его небесами и со всей его силой невидимой. Пошелъ Архангель Михаилъ, а тотъ и на версту недопустить его къ себѣ. Саваофъ послалъ его другожды, но сатана отогналъ его еще дальше. Сталъ посылать его Саваофъ третій разъ, но онъ отвѣчалъ: *божъ, Господа, опалиши*. Тогда Саваофъ сказалъ Михаилу Архангелу: *«опустись ты на землю къ черному морю, увидишь на берегу икону, дѣзу съ младенцемъ; благословись у младеня и ступай на сатану»*. Сдѣлалъ Архангель по слову Господню, столкнулъ сатану съ неба, спроворгъ небеса и всю силу его и валилось сатанинскіи силы, аки мелкаго дождя, шесть недѣль. Много пало ее на землю, а больше того осталось на воздушѣхъ.

Кромѣ силъ сверженыхъ съ небесъ, которые дерзновеніе имутъ ко Престолу Господню, есть еще, такъ называемыя, Лембои, силы посредствующія между духами воздушными и человѣкомъ. Воздушные пищи не принимаютъ, а эти пьютъ и їдятъ. Ты знаешь по-году, забранки, а Лембои къ этому дѣлу не касаются.

Лембои это тѣ же люди, только потаенные,—изъ заклятыхъ дѣтей. Когда отецъ или мать, возгорчившись на ребенка, говорятъ недобрыя слова: *ой Лембои та дери, ой, изымитко-та*; нутя къ лѣшему, — Лембои тутъ и есть: они похищаютъ заклятыхъ, уносятъ ихъ въ свои жилища, поять, кормить, ростять и за тѣмъ посыпаютъ ихъ крещеніемъ на доброе или злое дѣланіе. Они берутъ подъ свое попеченіе и тѣхъ дѣтей, которыхъ родители оставляютъ въ лѣсу или полѣ безъ благословенія.

«Разъ я жала на запалькѣ, рассказывала намъ одна женщина, а мужъ съяль рожъ. Подъ вечеръ этакъ я и говорю мужу:

Пѣтреи! мнѣ пора идти убирать скотину, такъ я ийду домой; а ты, когда Мишенька то проснется, привези его домой, да смотри не забудь.

Ладно говоритъ. Ну я и пошла. Вечеръ приходитъ, гляжу, и Пѣтреи ирѣхалъ.

А гдѣ же ребёнокъ? Спросила я.

Тутъ онъ хватился, что ребенка то онъ и забылъ взять; ой, говорить, я ребенка-то и забылъ.

Охти мнѣ, што ты сдѣлалъ, сказала я и бросилась на заполѣкъ. Приѣждала туды, гляжу у ребенка кто-то стоитъ и байкаетъ. Я остановилась и слушаю; а онъ и не глядитъ въ ту сторону, знаетъ самъ приговаривается: *«мати оставила, отецъ позабылъ; мати оставила, отецъ позабылъ»*. Меня всю такъ обдало холодомъ. Я ужъ смыкнула, что Лембой тутъ стоитъ а покинуть ребенка нельзя. Сотворила про себя молитву и думаю: пусть будетъ что будетъ, а пойду. Пришла и говорю; *кумушко, ты качаешь?* Онъ какъ поглядѣлъ на меня, да какъ захочетъ, одно лѣсъ-то такъ и задрожалъ: *Кумушко, Кумушко!* Загорланилъ, засвисталъ, въ ладоши захлопалъ и былъ таковъ. А я схватила ребенка и тягу дала, што нога взяла. Не смыла оглянуться. До того бѣжала, чуть не пала и едва духъ переводила».

Впрочемъ Лембои не всегда такъ ласково обращаются съ похищенными дѣтьми. По разсказу Леонтия Богданова въ деревнѣ Середкѣ мать выбраница мальчика и мальчикъ пропалъ. Мѣсяца черевъ два послѣ этого Леонтий Богдановъ шелъ въ лѣсу и, подхода къ дому, видѣть на воротахъ что-то колышется, ань сидить на воротахъ младенецъ, только бы его взять да крестъ надѣть, съ рукъ-то бы его не взяла не чистая сила. Но пока Леонтий Богдановъ проклаждался, разсуждаючи такимъ образомъ, мальчикъ сгинулъ изъ виду.

Другодольные Удѣльницы собой,—черная волосатыя головы растрепана, волосье распущенное; онѣ преждевременно вынимаютъ младенцевъ изъ утробы матерней, уродуютъ ихъ и мучатъ родильницъ.

Если поносная женщина спить наизнічъ, на роспашку, тояса нѣту, а случится на столѣ ножикъ, Удѣльницы вынимаютъ имъ младенца. Оттого рождаются уродовъ, или женщина понесеть, а животъ окажется пустой. Въ Толвѣ одинъ мужикъ почеваль подъ лодкой. Прилетѣла сорока, защекотала, и другая защекотала. Одна другой и говорить: *«ты гдѣ была?*

— Я была въ Топскомъ обѣ Оного-къ Донилову.

— А што ты сдѣлала?

— Я сдѣлала—ребенка выняла и клала на мѣсто голикъ.

— А ты што сдѣлала?

Мужикъ кашланулъ. Онѣ пристали. Мужикъ даль кляту не сказывать. Ихъ послѣ видали.

Удѣльницы же производятъ *жильне-трясущій ударъ* или родимецъ: бьютъ и ломаютъ человѣка, какъ попало. Для спасенія одержимаго этимъ недугомъ—садятъ его на три соломенныхъ креста—и спить онъ на

нихъ шесть недѣль—и призываютъ Илью Пророка, чтобы шель онъ на помощь, на «черной облакѣ и на огненной колеснице, и натянулъ бы лукъ свой, и спустилъ бы калену стрѣлу, и убилъ бы врага, и очистилъ бы раба отъ жильне-трасущихъ ударовъ».

Двѣ минуты бываютъ худыя во днѣ, когда Лембон и Удѣльницы доступаютъ къ человѣку: одна въ самый полдень, другая по закатѣ солнца.

Въ Токвуй и Кижахъ, заонежскихъ селеніяхъ, есть ущелья, называемыя *Ижгоры* и *Мяныгоры*. На этихъ горахъ нѣкогда витали двѣ сестры; то и дѣло дѣлали, что блины пекли и съ горы на гору перекидывали. И находилось тамъ многое множество нечистой силы и живутъ тамъ Лембон, нѣтъ же нѣсть числа. По дорогѣ между деревней Пактигой и Якорь-лядиной, (токвуйской волости) есть ручей по нынѣ называемый чортовъ ручей: въ прежнее время выходило тутъ большое чудовище—по закатѣ солнца спѣло оно на продольныхъ мостовиахъ, что сложены для переходу изъ деревни въ деревню.

По дорогѣ изъ Космозера черезъ гору въ Фоймугубу есть ручей, донынѣ называемый Букинъ порогъ; отъ древности выходили отсюда Удѣльницы и показывались на разстояніяхъ: волосы у нихъ длинные, ропущенные, все равно какъ у вынѣшнихъ барышень, а сами черныя. Какъ поставили на разстояніяхъ кресты, онѣ исчезли. У самаго Букина порога стоитъ крестъ, поставленъ лѣтъ пять сотъ тому назадъ, толстый, здоровый съ вырѣзью, и до втораго пришествія хватить его.

Жители деревни Павловицы Петрозаводскаго уѣзда, кондопожской волости боятся похулить свое озеро: попѣй, говорятъ, да похули, врядъ ли живъ будешь. Они не терпятъ и того, если кто другой будетъ халить воду въ ихъ озерѣ. Скажи только «у васъ водушко худое, воденка мутное, уяззное, да въ бубыркахъ»,—они тысячу разъ будутъ повторять: «у насъ водушка хороша, у насъ водушка хорошее».

Въ Паззерскихъ озерахъ близъ Ладожскаго скита рыбу ловятъ молча; уходя позъ дому, не сказываютъ куда пошли; если сказать, что пошли рыбу ловить, не скоро съ озеръ и выйдешь, а то и совсѣмъ туда ускочишь.

Живутъ также Лембон съ полверсты отъ Космозера,—въ щель, на заболотъ.

Въ Острѣчинскомъ погостѣ, въ 85 верстахъ отъ Петрозаводска, указываютъ четыре мѣста, гдѣ живутъ Лембон: на дорогѣ Князевской, въ пустоши, у мельницы и въ деревнѣ Скворовской.

Лембон живущій въ лѣсу называется *Шишко* или *Подкустовникъ*, пекрещенный, неблагословленный. Которая ягода ростетъ, ту не можешь взять, а тогда берешь, когда подъ ноги подернешься, да заклянешь: будь проклять я, што подъ ногами не видѣлъ. Шиш-

ко также стережетъ, когда кусокъ кладутъ за обѣдомъ безъ благословенія; хватаетъ его и тѣмъ питается.

Если придется ночевать въ лѣсу, надо попроситься у *Лѣсовою хозяина*; а то ночь не иройдеть тебѣ даромъ, *Шишко* выгонитъ съ ночлега. А угодишь ему, будешь благополученъ.

Жировикъ—настоятель жиры, хозяинъ всего дома. Онъ особенно заботится о скотѣ, сообщаетъ иногда радостныя вѣсти, но чаще всего предсказываетъ не-взгоды. Буйный нравъ его сказывается только тогда, когда онъ жириуетъ въ нежилыхъ хоромахъ.

Если *жировикъ* не любить скотины, лучше и не держи; не будетъ она ни сыта, ни гладка, ни здорова; которая ему по-люби, ту онъ холить и кормить. Взялъ ты напр. лошадь или корову черную и гляди: если нравится эта масть *жировику*, скотъ твой свѣтѣль и веселъ; если нѣть, то хохлатъ, скученъ, запачканъ и всегда мокрый.

На Тихвинской дорогѣ у одного крестьянина такая была бѣда, что не могъ накупить лошадей. Купить лошадь, утромъ придется, а она подъ яслими лежить, и овесь и сѣло не тронуты. Раззорился бѣдный мужикъ. Какъ водится изстари, сталъ онъ по закатѣ солнца по угламъ кланяться и прощаться: «хозяинъ батюшко и хозяйка матушка! Простите нетроньте милой скотинушкѣ». Вдругъ послышался голосъ: «хоть бы худенька, да пеенъка» (пестрая). Завелъ мужикъ пегенькую лошадку, и стала она и сыта и гладка и дюжа, и стала мужикъ разживаться.

Самый недруженлюбный къ человѣку Лембон — это *Баянникъ*—съ огненными-сверкающими глазами, съ взъерошенными волосами и всегда босой. Онъ часто сдираетъ кожу съ живыхъ людей и давить ихъ. Тотъ, кто послѣ всѣхъ моется въ бани, не долженъ крестить ничего, а всѣ сосуды оставить на онапашку и сказать: «мойся хозяинъ». Онъ всегда бываетъ доволенъ, когда оставляютъ ему воды и пару.

Лембон, живущій въ водѣ, называется царемъ водянымъ; онъ небольшой ростомъ, съ сѣдыми ропущенными волосами, съ длинными руками и короткими ногами. Онъ живеть обыкновенно въ водѣ, но по нуждѣ выходитъ и на сушу. Водяной царь злѣе бываетъ тогда, когда зреѣтъ рожь; въ это время маленькихъ ребятъ не ипускаютъ купаться; водяники въ это время *перестають*, т. е. свадебничаютъ.

Водяного Лембона ловцы въ водѣ доставаютъ. Если клещицей неткнуто, если въ праздникъ неводъ не вязанъ и не починиванъ, съ того неводу онъ невыйдетъ.

Разъ, говорятъ въ такъ называемомъ, бѣсовомъ ручью, гдѣ Лачиновскій заводъ, вытащили водяного Лембона; не большой недоросточекъ, волоса дестрые, весь истыканъ. И спросили его: на гору тебѣ?

— Нѣ-нѣ.

Въ воду?

— Да-да. И сталъ онъ просить и молить: нагору не пошто, пустите въ воду.

Если спустимъ, такъ будешь ли рыбы давать?

— Буду-буду.

Ловцы сжалились и пустили его въ бѣсовъ ручей. Послѣ онъ, ахти, много рыбы давалъ.

Лембои передвигаются съ мѣста на мѣсто, и не рѣдко ведутъ борьбу изъ за своихъ владѣній. Любопытна одна хитрость, которую придумалъ одинъ Лембой съ своими врагами, которая впрочемъ характеризуетъ не столько народный взглядъ на Лембоевъ, сколько на духовенство, торгующее святыней.

Приходитъ этотъ Лембой къ попу и просить одной вещи, а какой выговорить не можетъ: обѣщаетъ только шапку золота. Попъ былъ не простой: догадался, чего у него просить. Взялъ съ божницы крестъ и отправился съ Лембоевъ къ озеру. Пришли на самую середину и стали спускаться въ водяное царство. Тутъ Лембой указалъ попу на крестъ и велѣлъ его выпустить изъ рукъ. Лишь только тотъ выпустилъ, вдругъ поднялся рыкъ, шумъ и визгъ; загорѣлось все водяное царство и сгорѣло до тла. Разбѣжались всѣ тамошніи жители. Лембой велѣлъ опять взять попу крестъ, вывелъ на берегъ, далъ ему шапку золота и сказалъ: «ну, спасибо попъ; тутошніи совсѣмъ было выжили меня изъ своего жилища,—они выселились изъ сосѣднаго озера; нунь—сжегъ ты все ихъ водяное царство, а я вновь его построю и буду въ немъ царствовать. Спасибо тебѣ! если тебѣ что понадобится, приходи сюда, вызови меня—я буду тебѣ вѣчнымъ слугой. Прощай». Затѣмъ Лембой скрылся.

Въ двадцати верстахъ отъ Петрозаводска на юго-западъ находятся два озера—Машезеро и Лосинское, па разстояніи одно отъ другаго около десяти верстъ. Изъ нихъ вытекаютъ двѣ рѣчки, кои на половинѣ своего течения соединяются въ одну общую рѣчку, называемую Лосинскою. Водою этой рѣчки дѣйствуетъ Александровскій пушечный заводъ.

Въ 1800 году здѣсь было наводненіе отъ сильныхъ проливныхъ дождей, продолжавшихся отъ половины юля до половины августа. Вода прорвала плотину, разрушила рудяные сараи и даже унесла въ Онего нѣсколько домовъ, стоявшихъ на сѣверномъ его берегу, у самого ея устья.

Съ изумленіемъ и страхомъ толпы народа смотрѣли на это явленіе. Въ ихъ глазахъ это событие было не чѣмъ другимъ, какъ свадьбой въ водиномъ царствѣ другодольныхъ. «Машезерскій водяникъ сосваталъ, ска-

жутъ, за своего сына дочку у водяника Лососинскаго, а въ Машезерѣ жить нельзя, тѣсно, да при томъ надо перебѣжать водой, а перебѣжать то нельзя. Лососинскіе положимъ до соединенія рѣчекъ дойдутъ легко, а тамъ вѣдь въ Машезеро надо идти противъ воды, а другодольныи противъ воды плыть не могутъ».

«Вотъ и уговорились выѣхать съ обѣихъ озеръ; у соединенія рѣчекъ соединить и молодыхъ, а оттуда и плыть вмѣстѣ въ Онего. По этому уговору то они и їдуть теперь большии свадебнымъ поѣздомъ въ Онего, гдѣ имъ жить будетъ просторно, п съ собой везутъ приданое, а сверхъ того заводскіе сараи, руду и проч., а сами їдуть скрытно, смышили все свое добро съ пескомъ и глиной, такъ что мы ничего не можемъ видѣть, кроме сѣрой массы, стремящейся съ шумомъ. Шумъ этотъ ихъ музика: онъ веселятся, а мы то грѣшныи, горюемъ. Вотъ не говоря о казенномъ имуществѣ, общественныхъ мѣстахъ и заводахъ, сколько видите разорили частныхъ домишекъ со всѣмъ имѣніемъ, оставили бѣдныхъ въ однѣхъ платьяхъ, а тамъ все увлекли въ Онего, да еще веселятся. О, Господа, прости насъ грѣшныхъ!»

Есть наконецъ Лембои, владѣтели кладовъ. Въ деревнѣ Скуровской, Острѣчинскаго погоста, на правомъ берегу рѣки, подъ двумя елями есть, говорятъ, богатый кладъ; имъ владѣть Лембои, великой старище. Достать его, говорятъ, не трудно. Надо только три Ивана, которые бы были въ одинъ день рождены, крещены и пимяничи. Они должны предъ Ивановымъ днемъ прийти на то мѣсто, гдѣ кладъ, угостить Лембоя свинцовыми орѣхами и три раза сказать: *отдай наше царское имѣніе*.

Любопытно еще знать, что русскій крестьянинъ и Лембоевъ заводить въ своихъ разсказахъ туда, куда самъ любить заходить—это именно *во царевъ кабакъ*; разница между ними здѣсь та, что тогда какъ крестьянинъ выпиваетъ рюмку, Лембой успѣваетъ выпивать цѣлое ведро. Таковы особенно каргопольскіе разсказы про Лембоевъ Семенковскаго, обитавшаго въ Семенковскомъ лѣсу, и Звонковскаго—на лѣшовой горушкѣ. Оба они часто любили заходить въ кабакъ-Разгуляй и пить тамъ до зѣла зелено вино; *узнавать ихъ здѣсь*, говорятъ, есть вѣрныя примѣты: тогда какъ у крещенныхъ всегда правая пола на лѣвой, у Лембоевъ на оборотъ, всегда лѣвая на правой». Можно себѣ вообразить, какъ часто цѣловальники, по этой примѣтѣ впадать у себя *Лембоевъ*!